

Ренэ Герра¹

ДИАЛОГ ИЛИ МОНОЛОГ?

РУССКАЯ ЭМИГРАНТСКАЯ КУЛЬТУРА ВО ФРАНЦИИ (1920–1970-е гг.)

Волею судеб после революции русская культура Серебряного века оказалась выброшенной за пределы России, и с 1924 года Париж стал столицей «второй русской культуры» (по меткому выражению Д. С. Лихачева). Две великие культуры, русская и французская, сосуществуя, породили множество проблем, не получивших до настоящего времени достаточного освещения и осмысления в исследовательской литературе.

Главный, на мой взгляд, вопрос, требующий ответа: установился ли в новых исторических условиях диалог на равных между этими культурами с учетом того, что они испокон веков имели много общего? И если нет, то что помешало естественному, казалось бы, диалогу? Ведь диалог, и это вряд ли оспоримо, вообще возможен лишь при условии равенства во влиянии и в силе. Диалог культур предполагает, что между сторонами, которые в него вступают, существуют некие общие принципы, общие жизненные цели. Но они не были найдены: с русской стороны участниками несостоявшегося диалога оказались изгнанники, вроде бы потерпевшие историческое поражение, то есть для «левацкой» французской элиты (она в то время была именно левацкой) изгой и отщепенцы, не принявшие Великую Октябрьскую...

Хотели ли те и другие этого диалога? Были ли готовы к нему? Подобный диалог был вполне естественным в XIX веке. Тютчев и Тургенев — блестящие тому примеры. На самом деле в межвоенный период 1920–1930-х годов настоящий диалог состояться не мог в контексте идеологических реалий той сложной эпохи, в первую очередь из-за отсутствия толерантности с французской стороны, а возможно, и с русской тоже: ведь русские эмигранты, в отличие от французских «левых», испытали на себе все «преlestи» «великого Октября»...

О чем могла заявить зарубежная Россия в то время? Прежде всего об опасности, грозящей западной цивилизации и всему цивилизованному миру. Но хотели ли тогда слышать это французские деятели культуры? Зинаида Гиппиус провидчески написала: «Мы не в изгнании, мы — в послании», в сжатой форме сформулировав изначальную миссию белой эмиграции — сохранение и приумножение русской культурной традиции.

¹ Заведующий кафедрой русского языка и литературы Государственного университета г. Ницца (Франция), доктор филологических наук Парижского университета.

Автор свыше 200 научных и публицистических работ по культуре послеоктябрьской русской эмиграции, в том числе книг: «Младшее поколение писателей русского зарубежья»; «Они унесли с собой Россию...» (Русские эмигранты — писатели и художники во Франции: 1920–1970); «Жаль русский народ» и др. Литературовед-славист, издатель, коллекционер-исследователь, президент Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции.

Этому было посвящено проведенное 16 февраля 1924 года в Париже собрание, на котором выступали А. В. Карташев, И. С. Шмелев, Д. С. Мережковский, И. А. Бунин. Последний, в частности, сказал: «Взгляни, мир, на этот великий исход и осмысли его значение. Вот перед тобой миллион из числа лучших русских душ, свидетельствующих, что далеко не вся Россия приемлет власть, низость и злодеяния ее захватчиков... Что произошло? Произошло великое падение России, а вместе с тем и вообще падение человека»².

Сегодня мы понимаем главную причину конфликта культур, ибо белая эмиграция взяла на себя миссию распространения русской национальной идеи и стала де-факто носительницей и хранительницей всего многовекового исторического и культурного наследия России. Легко догадаться, какие преграды были поставлены на пути такого диалога между культурами. Прежде всего ослепление западного мира идеями революции и «великим просветом с Востока», о котором любил говорить Жюль Ромэн. Не только этот писатель верил, что «солнце светлого будущего восходит на Востоке» и что «новый мир родится в СССР».

Вот что писали по этому поводу два известных французских академика в середине 1990-х годов. Анри Труайя в 1995 году во вступительной статье каталога к моей выставке в Сенате «Русское искусство в изгнании во Франции: 1920–1970-е гг.» писал: «В моих глазах русские писатели-эмигранты, “уцелевшие” после кораблекрушения: Мережковский, Гиппиус, Бунин, Ремизов, Шмелев, Зайцев... были наглядной иллюстрацией трагедии творческой интеллигенции, оторванной от родной почвы. Испытания, выпавшие на долю этих российских изгнанников, еще более обострили их чувства, сделали их талант более зрелым, и ностальгия по исчезнувшим далям возвысила их душу. Они писали лучше, чем когда-либо. И однако, лишившись родины, они остались без читателей — свидетелей их литературных дебютов, без надежды обрести других. Французские издатели не торопились с публикацией переводов их произведений, французская печать оставила их без внимания... Покинув Россию, они так никуда и не приехали, довольствуясь тем, что существуют с грехом пополам в промежуточном абстрактном пространстве. То был ледяной ад апатридов...»

Год спустя Жан-Мари Руар в своей статье «Забвение», опубликованной в газете «Фигаро Литерер» (7 ноября 1996 г.), вторит Анри Труайя: «Эти изгнанники нашли столь мало сочувствия и понимания со стороны принявших их стран. Чуждость положения русских

² Бунин И. А. Публицистика. 1918–1953 гг. М., 1998. С. 149.

эмигрантов заключалась в том, что к ним, сбежавшим от ада большевистской революции, относились с таким презрением, будто бы они были отребьем человечества или отбросами истории».

Здесь уместно напомнить то, что писали об этом два французских русиста. Жорж Нива, профессор-славист, переживший период тех же заблуждений, с мужественной прямоотой пишет во вступлении к книге «Россия–Европа, конец раскола» (Лозанна, 1993) о крушении надежд французской интеллигенции на обновление старого мира и рождение нового человека.

Жерар Абенсур, сокурсник Ж. Нива в «Эколь Нормаль Сюперьер» (Высшей нормальной школе), в своей статье¹ «Николай Авдеевич Оцуп и его французские ученики» хвалится своим знакомством с Н. А. Оцупом, но тем не менее чувствует его снисходительно-пренебрежительное отношение к «белоэмигранту»: «Скромный человек, Николай Авдеевич никогда не рассказывал нам о созданном им русскоязычном парижском журнале “Числа”, редактором которого он был в начале 1930-х годов... В материальном отношении ему жилось нелегко... Мы, французские интеллектуалы, находились во власти марксистских идей, испытывали безмерное восхищение перед Советским Союзом, который, надо признать, умел выставить себя в выгодном свете. Видимо, по этой причине Н. А. придерживался безукоризненного нейтралитета... В те годы во французской среде существовала тенденция преуменьшать вклад русских эмигрантов в культуру и даже дискредитировать их, поэтому мы, аспиранты “Эколь Нормаль Сюперьер”, пребывали в полном неведении по отношению ко всему, что было написано во Франции на русском языке. Скорее всего именно поэтому Николай Оцуп сконцентрировал свое внимание на классике... По возвращении из Москвы в 1957 году я ему рассказал о своих впечатлениях, которые, кстати сказать, были весьма позитивными. Он слушал молча...» Молчание поэта-эмигранта красноречивее любых комментариев, которые были излишними...

Становится понятно, что подобный диалог был не только труден, но и невозможен. Контакты (или причины их отсутствия) — особая тема, весьма актуальная, до недавнего времени почти не исследованная, хотя, несомненно, представляющая большой интерес как для историков литературы и искусства, так и для широких кругов общечеловеческой ответственности обеих стран.

Однако попытки наладить диалог предпринимались (причем с обеих сторон). В 1928 году по инициативе молодого русского литератора Всеволода Фохта ежеквартальный журнал *France et Monde* (éd. Humanités contemporaines) начал печатать произведения русских писателей-эмигрантов: М. Цветаевой, Тэффи, Б. Зайцева, Н. Кузнецовой и других, стремясь ознакомить с ними французскую читающую публику. Предполагалось издать антологию их произведений. Одновременно в целях сближения была создана Франко-русская студия (*Studio Franco-Russe*), проводившая поэтические вечера, встречи, литературные диспуты. Из французской элиты во встречах участвовали Поль Валери, Андре Мальро, Андре Моруа, Жорж Бернанос, Жак Маритен, Габриэль Марсель, Станислав Фюме, Рене Лалу, Рене Гиль, а с русской стороны — Н. Бердяев, Б. Вышеславцев, Г. Федотов, П. Муратов, М. Цветаева, Б. Зайцев, М. Алданов, Г. Адамович, Г. Газданов, Б. Поплавский, М. Слоним, В. Вейдле и др.²

Первое публичное собрание, состоявшееся 29 октября 1929 года, было посвящено «Тревоге в литературе». На втором, проведенном 26 ноября того же года, обсужда-

лось влияние французской литературы на русских писателей с 1900 года. Третий вечер был посвящен «проблеме Достоевского». Четвертый, состоявшийся 28 января 1930 года, — «духовной драме Л. Толстого». После чего, как это ни прискорбно, франко-русские встречи прекратились.

Активный участник этих встреч В. В. Вейдле в своих воспоминаниях не без горечи констатирует: «Французы особенно широкого и особенно горячего интереса к парижским русским писателям первой эмиграции не проявляли... Как далека была наша, хотя бы и парижская, литература от литературы французской! Мне мечталось порой об их сближении. Оно не состоялось. Хотя кое-что в этом направлении и было сделано»³.

Но из этого общего правила были исключения: А. Ремизов, Д. Мережковский, Н. Бердяев, Л. Шестов и сам В. Вейдле, пишущий по-французски. Им активно помогали, их печатали Шарль дю Бос, Габриэль Марсель, Жак Маритен, Марсель Арлан. Тем не менее участие русских писателей, критиков, философов в культурной жизни межвоенной Франции было более чем скромным. Альянс с французской культурой не получился.

Канадский исследователь Леонид Ливак пытается доказать наличие более тесных интеллектуальных контактов⁴. Но с этим тезисом трудно согласиться. Безусловно, эмиграция была изолирована главным образом из-за идеологической «левизны» французской элиты. О чем без прикрас и умолчаний свидетельствуют, кроме В. Вейдле, Г. Адамович, Н. Берберова, Г. Струве.

«Вокруг был Запад, в частности Париж, блестящий и безразличный... а проникнуть во французские “круги”, даже если бы и было к тому желание, удавалось преимущественно тем, кто этого настойчиво, и не без заискивания, добивался. Приглашений никаких не бывало, а о каком-либо интересе или хотя бы любопытстве нечего и говорить», — писал Г. Адамович в конце 1954 года⁵.

О том же в своих мемуарах пишет и Нина Берберова: «Страшное, грозное время — двадцатые-тридцатые годы нашего века... В то время во всем западном мире не было ни одного видного писателя, который был бы “за нас”, то есть который поднял бы голос против преследований интеллигенции в СССР, против репрессий, против советской цензуры, арестов, процессов, закрытия журналов, против железного закона социалистического реализма, за неповиновение которому шло уничтожение русских писателей. Старшее поколение — Уэллс, Шоу, Роллан, Манн — было целиком за “новую Россию”, за “любопытный опыт”, ликвидировавший “ужасы царизма”, за Сталина против Троцкого, как оно было за Ленина против других лидеров русских политических партий. Старшее поколение с Теодором Драйзером, Синклером Льюисом, Эптоном Синклером, Андреем Жидом (до 1936 г.), Стефаном Цвейгом во всех вопросах было на стороне компартии против оппозиции...»⁶

В своей известной книге «Русская литература в изгнании» Г. Струве пишет: «На отношении иностранного читателя к писателям-эмигрантам сильно отражался и распространенный в европейской и американской интеллигенции “салонный большевизм”, склонность сочувствовать большевистской революции и относиться пренебрежительно к ее жертвам»⁷.

Об изоляции и равнодушии Запада безрадостно рассказывал мне Б. К. Зайцев во время наших многочисленных встреч в конце 1960-х годов. Пример тому — из всех книг Зайцева, опубликованных в эмиграции, при жизни

³ Русский альманах. Париж, 1981. С. 397.

⁴ Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу 1920–1940. М., 2007. С. 200–214.

⁵ Адамович Г. Одиночество и свобода. Нью-Йорк, 1955. С. 35.

⁶ Берберова Н. Курсив мой: автобиография: в 2 т. Нью-Йорк, 1983. Т. 1. С. 265.

⁷ Струве Г. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956. С. 239.

¹ Берега. СПб., 2008. Вып. 9. С. 26–28.

² Le Studio Franco-Russe 1929–1931 / textes réunis et présentés par L. Livak. Toronto, 2005.

писателя на французском языке вышли всего две его книги: «Анна» и «Золотой узор» (причем последняя увидела свет в 1933 г., почти за 40 лет до смерти писателя в Париже). Третьей книгой стал мой перевод его «Голубой звезды» в 2000 году. Другой пример связан с творчеством Ивана Шмелева: за 30 лет изгнания во Франции вышли в свет на французском языке всего три его книги. Французское издание¹ «Окаянных дней» И. Бунина появилось только в конце перестройки, после выхода этого произведения в Москве.

Весьма показателен скандал, разразившийся в 1927 году в связи с проникшим на Запад анонимным письмом «Писателям мира» от лица «группы русских писателей из России»: «К вам, писатели мира, обращены наши слова. Чем объяснить, что вы, прозорливцы, проникающие в глубины души человеческой, в душу эпохи и народов, проходите мимо нас, русских, обреченных грызть цепи страшной тюрьмы, воздвигнутой слову? Почему вы, воспитанные на творениях также и наших гениев слова, молчите, когда в великой стране идет удушение великой литературы? Или вы не знаете о коммунистической цензуре? <...> Писатели! — Ухо, глаз и совесть мира — откликнитесь! Единственное наше оружие — перо — выбито из наших рук, воздух, которым мы дышим, — литература — отнят от нас, мы сами в тюрьме. <...> Мы лично гибнем. Как из тюремного подполья, отправляем мы это письмо. С великим риском мы пишем его, с риском для жизни переправят за границу. Не знаем, достигнет ли оно страниц свободной печати. Но если достигнет, если наш замогильный голос зазвучит среди вас, закликаем вас: вслушайтесь, вчитайтесь, вдумайтесь!»²

К. Бальмонт, И. Бунин и И. Шмелев пытались привлечь внимание Запада к этому документу. Бунин выступил первым и уже через неделю писал в газете «Возрождение»: «К писателям всего мира обращаюсь и я: да, вслушайтесь, вдумайтесь, отзовитесь на этот потрясающий вопль! Семь лет, прожитых мной в Европе, целых семь лет с несказанным изумлением и ужасом восклицаю я внутренне: да где же вы, “совесть мира, прозорливцы”, что же молчите вы, глядя на то, что творится рядом с вами в цивилизованной Европе, в христианском мире? Мы, писатели-изгнанники, не раз пытались своими воплями заставить очнуться европейский мир, обезумевший и окаменевший в своих материальных расчетах...»³

Бальмонт также откликнулся. В октябре 1927 года он обратился с открытым письмом к Кнуту Гамсуну, затем к Ромену Роллану. Несколько месяцев русские писатели-изгнанники пытались напечатать свои призывы во французской прессе. И только в январе им это удалось: их обращения появились в небольшом периодическом издании *L'Avenir*.

Эти воззвания никто не заметил, за одним исключением: Ромен Роллан напечатал ответ в ежемесячнике *L'Europe*, ссылаясь на свидетельство писателей Ж. Дюамеля и Л. Дюртена, насмотревшихся в Советском Союзе на «потемкинские деревни» сталинизма: «Бальмонт, Бунин, я все понимаю — ваш мир разрушен, вы — в печальном изгнании. Для вас гудит набат погибшего прошлого». Р. Роллан обратился к М. Горькому с вопросом: правда ли, что писателей в Советском Союзе угнетают? Ответ Горького был напечатан в мартовском номере *L'Europe*. В нем, разумеется, утверждалось, что в Советском Союзе писатели куда более счастливы, чем в зарубежных странах...

Но К. Бальмонт не успокоился и в новом письме Р. Роллану написал: «Большевизм есть деспотизм, и в тысячу раз худший, неизмеримо более бесчеловечный, чем был деспотизм царизма».

Как вспоминает Н. Берберова, В. Ходасевич также хотел возразить М. Горькому во французской печати, рассказать о бесследно пропавших в СССР поэтах и писателях, о самоубийствах, пресловутой политике партии, цензуре, страшных годах, которые настанут для литераторов в России...

Поводом для новой полемики послужило юбилейное приветствие Р. Роллана (4 декабря 1927 г.) «величайшей годовщине в истории народов», то есть Октябрьской революции. И. Бунин вновь выступил с открытым письмом: «Я бесконечно обязан *L'Avenir*, позволившему мне присоединить эти несколько строк к сильному и благородному письму Бальмонта, к горьким упрекам, с которыми он обращается к знаменитому французскому писателю Ромену Роллану, считающемуся одним из самых страстных борников свободы и человеколюбия, а проявляющего себя другом банды разбойников и злодеев, которые вот уже десять лет как опустошают и истощают Россию и унижают человеческое достоинство, как никогда со времен сотворения мира.

Неужели он всерьез предполагает, что мы все, русские писатели-эмигранты, являемся просто-напросто тупыми реакционерами... Как он заблуждается!»⁴

Уместно напомнить, что кроме Р. Роллана, на стороне советской власти были так называемые прогрессивные литераторы: А. Барбюс, Л. Арагон, А. Бретон, Л. Дюртен, А. Мальро, Ж. Дюамель, Н. Саррот, А. Роб-Грийе и др. Андре Жид долгие годы доказывал достоинство режима «великого Сталина», пока после поездки в СССР не прозрел...

К счастью, художникам-эмигрантам оказалось легче наладить творческие связи, правда, не без усилий с их стороны. Они сумели не только влиться в художественную жизнь Запада, но и положить начало новым направлениям в живописи. Достаточно упомянуть В. Кандинского, О. Цадкина, Н. де Сталя, Союзу Делоне. Этому, безусловно, способствовало то, что многие приехали в Париж задолго до революции и полноправно вписались в артистическое «панно» довоенного Парижа. В их числе были: М. Шагал, С. Ястребцов (Фера), Л. Сюрваж, М. Васильева, С. Шаршун, Н. Гончарова, М. Ларионов. Парижская школа неммыслима без А. Ланского, С. Полякова, М. Андреевко, Л. Зака, К. Терешковича, Д. Бушена, Маревны (М. Воробьевой-Стебельской), И. Пуни и др.

Следовало бы рассказать и о блистательных Русских сезонах С. Дягилева в Париже (1909–1929), но это уже другая история. Ее завершение было более счастливым, нежели развязка истории «любви без взаимности» между русским и французским литературным миром.

Остается лишь жалеть, что и после крушения советского тотализма ситуация во Франции не претерпела значительных изменений, хотя и вести диалог уже не с кем: «Иных уж нет, а те далече...» Но потребность в объективном и честном осмыслении драматичного прошлого остается. Признать ошибку никогда не поздно. Воздать должное тем, кто, оказавшись «в послании» на французской земле, достойно нес свою миссию, не только можно, но и нужно. Будем надеяться, что это все-таки произойдет.

¹ *Bouine I. Jours maudits, L'Age d'Homme. Lausanne, 1988.*

² Последние новости. Париж. 1927. 10 июля. № 2300; *Возрождение*. Париж. 1927. 10 июля. № 768.

³ *Возрождение*. Париж. 1927. 17 июля. № 775.

⁴ Бунин И. А. Указ. соч. С. 264–265.